

ПОСЛЕ БОЯ

ИРИНА
ЛОБУСОВА

Ирина Лобусова

После боя

«Автор»

2013

Лобусова И. И.

После боя / И. И. Лобусова — «Автор», 2013

Русский художник, работающий в одной из киностудий Лос-Анжелеса, замечает в баре странного незнакомца, своего соотечественника. Несоответствие внешности, поведения и финансовых возможностей этого человека интригуют главного героя, заставляя задуматься о том, кем является бродяга на самом деле. А через несколько дней главный герой замечает на улице избитого бродягу и забирает к себе, чтобы спасти. В знак признательности за это бродяга рассказывает свою шокирующую историю. Эта история о когда-то известном боксере, знаменитом персонаже, бывшем настоящей звездой шоу-бизнеса, который однажды исчез. Эта история о криминале и об убийстве, о разочаровании и предательстве, о невозможности возвращения в нормальную, прежнюю жизнь. Против воли герой книги, художник, погружается в мир подпольных криминальных боев — боев без правил, и узнает страшные законы жестокости и смерти, царящие в этом мире.

© Лобусова И. И., 2013

© Автор, 2013

Ирина Лобусова

После боя

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

– Посмотри направо, возле стойки. Он снова здесь, этот грязный русский.

Грязный русский?! Мои чувства были здорово подогреты смесью крепкого английского пива (эля) и (чуть-чуть раньше) французского коньяка. Надо сказать, и то, и другое было просто отменного качества. Если у вас есть деньги, а, главное, если в вас нуждаются и вы не можете об этом не знать, все блага роскошной заграничной жизни будут к вашим услугам. И вас будут угощать так. Чтобы вы едва стояли на ногах, особенно, если завтра вы должны подписывать важные деловые бумаги.

Находясь далеко, чувствуешь огромную тоску по родной стране. Какая бы она ни была, твоя страна... Даже самая паршивая. Вдруг, разом, ты закрываешь глаза на все мыслимые и немыслимые недостатки, и, распрямляя плечи, в какое-то неизвестное утро начинаешь себе твердить, что там, на далекой опустыленной родине, и воздух чище, и дома лучше, и люди добрые, и даже небо имеет свою особенную синеву. Ты начинаешь гордиться своей землей, и, поддаваясь наплыву чувств, настоятельно стараешься продемонстрировать это на каждом шагу. Так происходит внезапно, ты не можешь это предугадать, и когда это состояние приходит, значит, начинается самая обычная ностальгия... Но объяснение – намного позже, утром... А пока – мир должен удивляться и прочувствовать, что...

Поэтому, гордо распрямив плечи, демонстрируя свою богатырскую удаль, я хотел уже как следует ответить сидевшему передо мной англосаксу, что американцы пьют больше, и что мы, русские, особенные, и этим гордимся, и прочую, рвущую душу высокопарную чепуху, когда... Когда совершенно случайно мой взгляд упал в указанном направлении, и я увидел то, что увидел.

В некотором отдалении от нас, возле стойки бара, сидел не просто грязный, а ужасающе, отталкивающе, страшно грязный мужчина, затененные пьяным туманом глаза которого сохраняли знакомую сердцу русскую голубизну. Это был типичный опустившийся бродяга. Даже дома, на далекой родине, я не видел таких опустившихся существ среди рывшихся в мусорных контейнерах бомжей. Мне ни за что не пришлось бы встретить такой экземпляр в респектабельной гостинице, где я остановился. И в том чистеньком, приглаженном районе Лос-Анжелеса, где находилась компания, с которой у меня были дела.

В этот дешевый и паршивый бар на окраине Лос-Анжелеса меня завела обыкновенная жажда экзотики, подогретая большим количеством спиртного, такая неистовая, что Мел, один из моих компаньонов по бизнесу и непосредственный начальник, вызвал меня сопроводить. Так после дорогих изысканных яств тянет на большой кусок черного хлеба с селедкой. А после того, как долгое время ты упорно созерцаешь с балкона аккуратненькие, ухоженные бунгало Южной Калифорнии и видневшийся в отдалении free way, жутко тянет отдернуть занавеску и увидеть ржавые гаражи, стандартные девятиэтажки и роющихся в мусорном контейнере бомжей. Что ты делаешь с нами, Родина...

Мела жутко интересовала моя ностальгия. Так интересовала, что он привел меня в этот бар. С его точки зрения это было жуткой экзотикой. С точки зрения выбившегося из средних американца с собственным домом и замечательной кредитной историей. Чтобы не разочаровать моего спутника, я даже сделал восхищенное лицо. На самом деле это был самый обыкновенный

венный бар, куда забегали дальнобойщики и куча каких-то местных бездельников, у которых не было ни дома, ни кредитной истории (что в глазах Мела и ему подобных был просто кошмар). Еще в баре показывали несколько спортивных каналов. И об этом, наверное, нужно было сказать в первую очередь.

Здесь пили дешевое темное пиво и неразбавленный виски низкого сорта, а развлечением был телевизор над стойкой. Здоровенный рыжий детина (бармен и хозяин в одном лице) постоянно жевал жвачку и пускал пузыри, которые лопались с неприличным звуком, что очень веселило всех окружающих.

Бросив на нас с Мелом неприязненный и не одобряющий взгляд, он все-таки не стал гнать нас прочь. В Лос-Анжелесе много бродяг. Но, как правило, они плохо видны в машинные стекла. В Лос-Анжелесе на дорогу смотрят лишь прямо, в лобовое стекло. Здесь избегают лишних движений. Для деловых, занятых своим бизнесом людей каждое движение стоит слишком много, чтобы тратить его впустую. Преуспевающие американцы не могут позволить себе такую роскошь – смотреть по сторонам. Поэтому я удивился, что Мел вообще увидел бродягу. Хотя его нельзя было не заметить....

Он был ярким диссонансом даже в окружающей обстановке. Словно кость, застрявшая в горле. Наверное, он везде был не к месту, даже в картонном ящике на асфальте Нью-Йорка. Чтобы вместить его, на всей планете не могло существовать мест. И это было так же ясно, как и то, что он – русский.... Выдавал его не только ужасный славянский акцент. Во всей его фигуре, в глазах, в манере держать голову было что-то особенное, какая-то необыкновенная отчужденность и гордость, позволившие сразу определить его происхождение. Может, та невозможность вписаться в окружающую обстановку, которая не принимала его так же, как и он не мог ее принять. Он был чужим не только в чужой стране. Он был чужим во всем мире. И от того, как ясно и четко читалось это в его фигуре, с меня разом слетел хмель.

Мне хватило нескольких секунд, чтобы полностью отметить и описать про себя его внешность. В этом помогал, в первую очередь, мой натренированный глаз профессионального компьютерного графиста (у себя на родине я назывался гораздо проще: художник-аниматор), услугами которого пользовалась одна крутая голливудская кинокомпания (настолько крутая, что у меня самого до сих пор захватывало дух). А, во-вторых, его нельзя было не увидеть хотя бы потому, что он сидел слишком обособленно. В баре, где все непроизвольно кучковались поближе друг к другу, он сидел в полном одиночестве, отдельно от всех.

Он был еще молод. В светлых волосах не было седины, под глазами не пролегли резкие возрастные морщины (впрочем, там вполне хватало других морщин), а руки были не так стары. Мне показалось, что ему точно нет сорока. Скорей всего, я немного ошибался, и ему не было даже 35-ти. У него были длинные светлые волосы – такие грязные и слипшиеся, что было почти невозможно разглядеть их первоначальный цвет. Несмотря на свою грязь, он был чисто выбрит. Возле его ног валялся грязный холщовый мешок, в котором, очевидно, находились его вещи, и я поручился бы за то, что в мешке находится безопасная бритва с куском мыла, на все сто.

Одежда бродяги вообще не поддавалась описанию. Что-то пережеванное, бесцветное, бесформенное, в пятнах краски, пищевых отходов, машинного масла и других жидкостей вместо куртки. Что-то такое же страшное, но с пятнами извести или белой краски (возможно, он подрабатывал на стройке), символизировало джинсы. На одной ноге – башмак, стоптанный и такой порванный, что из него торчали голые пальцы. На второй ноге – остатки кроссовка и шерстяной носок. Все такое жуткое и страшное, что не могло бы присниться даже в кошмаре! Бродяга был довольно крепкий – не за счет веса, а за счет физического сложения. У него были очень большие кулаки и хорошо развитые плечи. А, судя по всему, как он возвышался над стойкой, можно было сказать, что у него достаточно высокий рост. Это было воистину удивительно: молодой. Так хорошо развитый физически, сильный человек довел себя до такого ужа-

сающего состояния! Но разгадка падения вырисовывалась достаточно ясно: бродяга был пьян. Его голубые глаза (типичные глаза славянина), были бессмысленно – тупыми, какими могут быть глаза только очень пьяного человека. И перед ним стоял полный до краев стакан. Было ясно: где-то заработав, он явился сюда напиться. И пил так, как умеют пить только русские: стаканами, до отпада.

Я заметил, что другие, по виду постоянные посетители бара, избегали смотреть на него и явно сторонились бродяги. И еще я удивился тому, что Мел его знал. За несколько минут наблюдения мой патриотический пыл сменило жуткое любопытство, и я спросил Мела:

– Разве ты так часто бываешь здесь?

– Нет, что ты! – от волнения Мел даже покраснел: он боялся, что я могу подумать о нем плохо, а для типичного американца репутация, пусть даже перед подчиненными, очень важная вещь, – Был всего несколько раз. Однажды в этом районе сломалась моя машина. Я забыл мобильный на студии и зашел сюда, в бар, чтобы позвонить на станцию техобслуживания. Во второй раз я был здесь с одним человеком... (Мел назвал довольно известное имя в кинематографических кругах). Так, просто зашли... Он искал кого-то, кто мог бы... Ну, ты понимаешь... (Мел покраснел, замялся для приличия – но я все прекрасно понимал. Очевидно, наркотики в этом районе были гораздо дешевле, чем в остальных. Я мог себе даже представить, как нервничал Мел, пусть даже ради бизнеса сопровождая знаменитость в состоянии ломки в поисках дешевого зелья). В третий раз я сопровождал сюда французского журналиста, который писал про студию и хотел увидеть изнутри окраины Лос-Анжелеса. Трущобы, экзотику... Вот как ты. Непонятно, почему вас в Европе так тянет на всякую гадость! Я привел его сюда. Ему не понравилось: он хотел видеть молодежные банды, а здесь нет банд. В четвертый раз на студии была вечеринка. Проезжали мимо и зашли выпить, человек десять... И вот сегодня, с тобой, я здесь в пятый раз. Каждый раз я видел здесь этого человека. Человека, который так отличается от всех остальных! Отличается настолько, что его нельзя не заметить. Наверное, он завсегда... Хотя по его виду не скажешь, что он имеет средства посещать бар. Может, его разыскивает полиция?

– Не думаю. Если бы его разыскивала полиция, он не сидел бы так открыто. Здешняя публика способна продать мать родную, чтобы заработать несколько лишних монет, не то что какого-то бродягу. Нет, если б он был на счету у копов, он бы тут не сидел.

– Возможно, ты прав. Я об этом как-то не подумал.

– Откуда ты знаешь, что он русский?

– Я слышал, как он ругался. Он ругался, говорил что-то не непонятном языке... Созвучия, которые он произносил, по интонации и звучанию напомнили мне то, что я уже слышал от тебя. Ты иногда так говоришь, особенно когда что-то бормочешь под нос на своем родном языке. А когда я был здесь в четвертый раз, кто-то из студии сказал, что этот человек – русский. Да и потом хозяин (тот, что за стойкой) подтвердил, что его здесь так и прозвали – «грязный русский». Потому, что он часто ходит сюда и от него жутко воняет...

– Почему же хозяин не выгонит его вон?

– У него есть деньги.

– Деньги? У него?!

– Да. Каждый раз он заказывает по две-три бутылки виски, выпивает их в полном одиночестве, никого не угощая и ни с кем не разговаривая, платит всегда наличными, очень крупными купюрами, и никогда не забирает сдачу. Пьет он бутылками, но речь его не заплетается, и он не падает. Только русские умеют так пить!

– Ну, допустим, не только русские! Американцы пьют не меньше!

– Извини! – добродушный Мел расстроился, почувствовав в моих словах обиду, – извини... я не хотел тебя обидеть! Правда!

– Ничего страшного! Я не обиделся. Ты просто очень заинтриговал меня этим человеком. В нем действительно есть какая-то тайна. Значит, сегодня ты видишь его в пятый раз?

– Да. И сегодня, как и всегда, он сидит на том же самом месте, ни с кем не разговаривает и пьет виски. Все, как тогда... Потом начнет говорить или ругаться... если по-русски, ты сможешь понять.

– Значит, он живет где-то поблизости?

– Хозяин бара думает, что он вообще нигде не живет. Спит где-то на улице. Тогда ночью хозяин сказал, что он приходит сюда часто. Два-три раза в неделю.

– Если так, выходит, он хорошо зарабатывает? Но почему тогда он так выглядит? И почему приходит именно сюда?

– Я знаю, почему. Хозяин сказал, что он приходит именно в этот бар потому, что здесь есть спортивный канал.

Внезапно меня осенила догадка. Сначала – догадка, потом, так же быстро, полная уверенность. Стоило лишь взглянуть на бесхитрое лицо Мела, чтобы сразу все понять!

– Подожди! Ты специально меня сюда привел, да? Специально сюда, чтобы показать мне этого человека? Я угадал?

– Да, – Мел снова покраснел, – видишь ли, в моей жизни все так размеренно, обычно. Все так же, как и всегда. Все идет по стандартной, четко рассчитанной схеме. Да я и не собираюсь ничего менять. Меня устраивает, мне нравится такая жизнь, но... Но иногда я остаюсь и думаю: неужели всегда одно и то же? Неужели я никогда ничего не буду видеть вокруг? Видеть другую сторону окружающей реальности, понимаешь? Видеть другую сторону мира, не ту, что я создал для себя и вижу каждый день! И вот однажды я вошел в этот бар и увидел бродягу, и понял, что другой мир на самом деле есть. Другое существует. Есть противоположная сторона, иная грань жизни, то, чего я никогда не видел и что, наверное, вообще не смогу понять. Странно, правда? Ты просыпаешься однажды утром и вдруг понимаешь, что сегодняшний день похож на предыдущий, а завтра будет точно такой же, и послезавтра, и так будет всегда. Но ты не хочешь ничего менять потому, что лень, и еще потому, что ты потратил долгие годы, чтобы жить именно так. И еще потому, что, как рациональный человек, ты понимаешь: любая перемена теперь будет переменной к худшему. А потом вдруг совершенно случайно ты видишь нечто, выпадающее из общей схемы. Ты словно видишь: есть и другая жизнь, та, которая не для тебя... Рядом с тобой приоткрывается другая грань. И, не меняя ничего в своей, ты можешь узнать что-то об этой другой, не пересекающейся с твоей, жизнью. И это ужасно интересно, так захватывает, что...

– Кажется, я понял. И ты привел меня сюда для того, чтобы узнать, что говорит в пьяном бреду этот русский бродяга? Но почему именно он? В Лос-Анжелесе тысячи других бродяг!

– Не знаю, почему он. В нем есть нечто особенное. Он не обычный бродяга. Во-первых, у него есть деньги. Их даже могло бы хватить на комнату в дешевом мотеле. Во-вторых, он приходит в этот бар потому, что это единственный бар в округе, владелец которого платит за спортивный телеканал. А в-третьих, потому, что он так пьет... очень странно. Я никогда не видел, чтобы человек так пил. Завтра мы подпишем очень важный контракт, от которого многое зависит – ты знаешь. И вдруг я подумал: а что будет у этого бродяги завтра? И еще ты предложил заглянуть в дебри города... Вот я и привел тебя сюда.

– Ты хочешь, чтобы я узнал историю бродяги?

– Возможно. Не знаю... если это будет очень интересная история, возможно, мы сможем ее использовать. И заработаем неплохие деньги.

– Не думаю. Кто заплатит за историю пьяницы из бара?

– Смотря какая история!

– А если мне ничего не удастся узнать?

– Мой Бог, так и будет! Не получится – значит, не получится. Ерунда! Заработаем на чем-то другом.

Я понял, что этот всплеск интереса не был добротой. Это был извечный первобытный инстинкт человека – любопытство. Самое первое и важное из всех человеческих чувств – даже в раю. Любопытство. Так порядочная женщина жадно провожает глазами жалкую уличную проститутку. Так обыватель смотрит на невиданное насекомое. Так подростки жаждут поскорее заняться сексом – чтобы узнать.

В интересе Мела не было доброты. Просто обыкновенное любопытство с процентом меркантильного интереса (заработать можно почти на всем). Особенно в Голливуде, где так ценятся редкие жизненные истории... И тем лучше, чем грязней... Мне вдруг стало тошно. Тошно и отвратительно – не понять, почему.

– Нет. Я не буду интересоваться этим бродягой. Потому, что я не хочу. В мире полно людей. Отбросов – еще больше. Если он заговорит, конечно, я переведу тебе его слова, но ничего специально узнавать не стану!

– ну что ты, и не нужно! Я же просто так рассказал тебе... Мало ли что.

В этот момент в баре начался шум, который сразу привлек наше внимание. Он был вызван тем, что по спортивному каналу старенького телевизора транслировался боксерский матч. Я знал, что за право просмотра боксерских поединков нужно платить телеканалам отдельно (это не входило в общую стоимость ежемесячной платы), размер оплаты определялся популярностью выступающих спортсменов и весовой категорией (за тяжеловесов нужно было платить гораздо больше, чем за средний вес). На этом заканчивалось все, что я знал про профессиональный бокс. Я не платил телеканалам за такие просмотры. Меня не интересовало бешеное мордобитие под рев толпы. Я знал, что боксерские поединки просто обожают большинство моих знакомых женщин – у женщин этот вид спорта вызывал какой-то непонятный мне азарт. Не могу сказать, что я испытывал к нему отвращение. Скорей, безразличие, равнодушие. Просто по большому счету мне было все равно.

Очевидно, владелец бара, так же, как и большинство его клиентов были большими поклонниками бокса. Я вспомнил про рекламу, которую слышал по радио в машине утром: про крупный поединок, который должны были транслировать именно сегодня. Но мне было настолько безразлично, что, когда я вошел в бар, то бросил лишь беглый взгляд в телевизор и, увидев трансляцию боксерского матча, больше уже не смотрел на экран. Шум раздался в тот момент, когда матч, очевидно, шел к своему завершению. И в ожидании нокаута зрители громко выражали свои эмоции. Я все-таки бросил быстрый взгляд на экран. Там два блондина нордического типа (один в красный трусах, другой – в черных) колотили друг друга по морде, шатаясь оба разом. Я понял, что долгожданного нокаута не последовало, и вопли зрителей были негодованием на результат неудачного удара. Русский бродяга оторвался от стакана и внимательно уставился на экран.

– Ты любишь бокс, Мел?

– Терпеть не могу! Но мои жена и дочь от него в восторге. Сейчас, наверное, сидят возле экрана. В последнее время я называю этот спорт женским-потому, что когда двое мужиков колотят друг друга, женщин от экрана не оторвать.

Я засмеялся, потому, что думал точно так же, хотя и не был женат, но в тот момент произошло настолько странное событие, что от разговора и экранов оторвался не только я один.

Раздался голос – хриплый, но в то же время очень громкий, сказавший внятно по-русски:

– Идиоты! Ничего не могут понять!

Я обомлел. Услышать русскую речь здесь, в самом сердце Южной Калифорнии, было настолько необычно, что все мои эмоции разом растворились в огромном удивлении, от которого я уже немного отвык. Потом я понял, что этот русский текст – связная, внятная речь

русского бродяги (того самого русского бродяги!), наблюдавшего за боксерским поединком. Через несколько минут голос раздался снова:

– Красный никогда не выйдет вперед даже по очкам, хотя у него потрясающая техника! Только скорость немного хромает, и еще блоки правой... Он через минуту может уложить черного – но не сделает это... Но победу, хоть и лучший, не получит никогда! Я это знаю.

Я энергично принялся переводить Мелу смысл его слов, когда понял, что бой окончен. А, обернувшись, увидел (и это было вторым моим огромным удивлением за тот вечер), как судья поднимает руку боксера в черном, что означало присужденную победу. Скорей всего, по очкам... Когда я обернулся к стойке бара, бродяги уже не было. Там, где он сидел, остался лишь пустой грязный стакан.

Я солгал бы, сказав, что думал о нем долго. Я солгал бы, сказав, что думал о нем вообще. Там, где люди заняты важным делом – выживанием в комфортных условиях, нет других, более важных дел. Иногда мне кажется, символ престижа и высокого положения в обществе – это вообще не думать ни о ком, кроме себя. Так ведет себя большинство людей, чего-то добившихся в жизни. словно опустить глаза вниз или отвести их в сторону – значит нанести этому престижу и положению жестокий и непоправимый урон. Мне так кажется. Может, я ошибаюсь. Я пришел к этому выводу, наблюдая коллег по работе, по бизнесу, новых американских знакомых. Людей, в окружающей жизни не заглядывающих дальше стандартной картинки лобового автомобильного стекла. Стекланный прямоугольник по дороге домой – все, что они видят. Остального словно не существует, и не будет существовать никогда. Может, это всего лишь мое предвзятое мнение... Кто знает... Но только мне кажется, если бы происходило совсем не так на самом деле, если бы люди почаще и почище думали друг о друге, в мире не существовало бы таких жалких и грязных бродяг.

Но я был всего лишь обыкновенным человеком, и тоже был грешен. И на следующее, очень важное утро я забыл обо всем, кроме собственных дел. Все остальное прекратило для меня существовать. Мы с Мелом общались исключительно на деловые темы, и разговоры наши не выходили за пределы студии, где мы оба, согласно подписанному контракту, теперь принимать участие в очень важном проекте. Оно и было понятно: у меня и у Мела было слишком много более важных дел, чтобы интересоваться судьбой какого-то заблудшего бродяги из придорожного кафе. Его судьба по-настоящему могла интересовать разве что полицию. Эпизод в баре так и остался бы в прошлом мелким штрихом, маленькой деталью, говорившей лишь о возможном падении моих соотечественников на чужбине, если бы не одно обстоятельство. Довольно кровавое обстоятельство (так я назвал его про себя), о котором я расскажу впереди. Но, даже столкнувшись в этом обстоятельстве вплотную, мне не пришло бы в голову подозревать в нем концы довольно грязной криминальной истории. И тем более подозревать, что в такую грязную историю (всю подноготную которой мне доведется узнать) я когда-нибудь попаду – пусть даже сторонним наблюдателем.

И, разумеется, я понятия не имел (мне не приснилось бы такое даже в страшном сне), что вся эта история, вернее, продолжение всей истории (потому, что именно бродяга был важным началом) может случиться после обыкновенного телефонного звонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.